

ОБЪЯСНЕНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПОНИМАНИЕ В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ

И. А. Есаулов

Литературный институт им. А. М. Горького

Ю. Н. Сытина

Московский государственный областной университет

Поступила в редакцию 12 марта 2019 г.

Аннотация: в статье дается методологическое обоснование необходимости разграничения анализа, интерпретаций и понимания в изучении литературы как принципиально различных познавательных актов. Актуализируется понятие «спектра адекватности», которое принципиально отличается от постмодернистской «множественности» признанием границ, пределов адекватных прочтений. Обосновывается необходимость учитывать аксиологическое созвучие сознания исследователя доминантным установкам изучаемого им писателя.

Ключевые слова: методология, интерпретации, понимание, анализ, прочтение, диалог согласия, спектр адекватности, аксиология.

Abstract: the article substantiates the need for a methodological distinction between analysis, interpretation and understanding in the study of literature. The concept of «spectrum of adequacy» is introduced. This «spectrum» is fundamentally different from the postmodern «multiplicity of text readings». Any methodological setting should take into account the need for axiological consonance of the researchers' mindset and the dominant attitudes of the writer.

Keywords: methodology, interpretations, understanding, analysis, reading, agreement dialogue, spectrum of adequacy, axiology.

Проблемы методологии с особой остротой встают в современной филологии вследствие засилья методологической эклектики и разногласия. Во многом сложившееся положение объясняется значительным разрывом между общими теоретико-методологическими и конкретными эмпирически-интерпретационными исследованиями. Порядок в хаотичное разномыслие «прочтений» произведений классики, ее рассмотрение в различных контекстах (от философских и эстетических до социологических и политических) может внести соотношение исследования с тремя познавательными актами (установками), различия между которыми с полной методологической отчетливостью выявились в мировой гуманитарной мысли уже в конце XIX — начале XX веков: анализом, интерпретациями и пониманием.

Проблемам разграничения этих актов и обоснованию их необходимости был посвящен методологический семинар, прошедший 6 марта 2019 года в Воронежском государственном университете. В обсуждении тезисов главного докладчика — д. филол. н., профессора Литературного института им. А. М. Горького И. А. Есаулова — приняли участие декан филологического факультета Воронежского государственного университета д. филол. н., про-

фессор О. А. Бердникова, заведующая кафедрой русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора, д. филол. н., проф. Т. А. Никонова, д. истор. н., профессор А. Ю. Минаков, к. филол. н. Ю. Н. Сытина и другие.

В центре обсуждения оказались вопросы, связанные с методологическим разграничением анализа, интерпретаций и понимания в изучении литературы, в том числе при ее преподавании в современной средней и высшей школе. Следует подчеркнуть, что речь далеко не всегда идет об «ошибочных» или, напротив того, «правильных» методологических установках: анализ, интерпретации, понимание являются абсолютно необходимыми познавательными актами, без которых любое адекватное изучение литературы представляется невозможным. Однако это все-таки принципиально различные установки, актуализирующие различные векторы исследовательского внимания.

Анализ произведений русской литературы невозможен без реально-исторических, а также текстологических комментариев, которые от десятилетия к десятилетию становятся все более и более убедительными и точными. Именно в этой сфере, несмотря на порой неизбежные разночтения, можно говорить о значительном прогрессе филологической науки. Собственно, это и неудивительно, поскольку

ку из трех выделенных исследовательских гуманитарных стратегий как раз анализ (иными словами, внешнее объекту изучения «объяснение») ближе всего к установкам так называемых «наук о природе» (В. Дильтей [1]), с их декларируемой «объективностью» (установкой на бессубъектность). Как и в «естественных» науках декларируется «воспроизводимость результата», исследовательская установка на достижение которой — в этом случае — как бы гарантирует от субъективистских искажений своего предмета. Именно в этой сфере были наиболее популярны (и дольше всего продержались) аксиомы о неизбежности «научного прогресса». Примерами подобной установки могут служить, например, энциклопедические статьи, посвященные тому или иному писателю [см.: 2; 3]. Но эти «объяснения», претендующие на знание некой «объективной» истины, фактически оказываются интерпретациями, что становится особенно очевидным с течением времени, когда изменяются исходные принципы подхода к литературному процессу.

Те или иные интерпретации художественных произведений неотделимы от исторически изменчивых и порой резко расходящихся — методологически, культурно, политически, эстетически — установок самих истолкователей текста. Доминантный для современного литературоведения «дрейф» (Р. Барт [4, 375–518; см. подробнее: 5, 123–189]) по этому тексту порой приводит к неожиданным результатам, однако же возобладавшая у поклонников этого «дрейфа» установка на отказ от поиска «истинности», будто бы непременно свидетельствующая об авторитарности сознания тех, кого интересует и «истинность», и сама истина, зачастую выводит исследователей за пределы той совокупности адекватных прочтений, которые определяются понятием «спектра адекватности»: совокупности адекватных авторской интенции, но все-таки различающихся между собой интерпретаций [см.: 6]. Зачастую интерпретации текст подвергается тогда, когда не весь он, но только какой-то из его аспектов особо интересует ученого.

Наконец, третий вариант исследовательского «освоения» произведений литературы представляет собой то или иное его личностное понимание, так или иначе входящее в «спектр адекватности». Оно предполагает не одну-единственную «правильную» точечную коммуникацию, а именно «спектр» различных, не совпадающих друг с другом, однако, как представляется, в равной мере адекватных художественным интенциям того или иного писателя актов понимания. От постмодернистской «множественности» спектр адекватности отличается признанием границ, пределов адекватных прочтений.

Если мы не признаем наличие «спектра адекватности» в толкованиях художественного произведения, этих не совпадающих друг с другом, однако в равной мере адекватных художественным интенциям

писателя актов понимания, «споры» наши о смыслах текстов будут все более и более напоминать толчение воды в ступе. Нам более всего не хватает признания частичной правоты тех, чья позиция отличается от нашей, но отличается интерпретационно, а не представляет собой какой-то совсем иной вектор понимания. Споры об оттенках, как известно, всегда ожесточеннее споров о цветах.

Личностное понимание невозможно без того или иного аксиологического созвучия толкователя и системы ценностей писателя, которые в русской традиции неотделимы от христианской (а именно: православной) культурной грядницы, а потому авторские интенции будут искажены, если эта система ценностей в сознании исследователя имеет по каким-то причинам отрицательные коннотации [см.: 7–15].

Гуманитарное личностное понимание как методологическая установка в изучении наследия русской литературы требует таких категорий филологического описания своего предмета, которые либо относительно недавно появились в нашей филологии, либо же оказались на долгие десятилетия выведены из активного словоупотребления в филологии, поскольку имеют интердисциплинарный, а не чисто литературоведческий статус: это соборность, пасхальность, христоцентризм, умиление и другие [см.: 9; 10; 11; 13]. Однако их интердисциплинарность особого рода. Они характеризуют не любые художественные системы, а такие, которые вырастают из православной грядницы русской культуры. И обращение к ним необходимо при изучении творчества писателей как в «большом времени» русской и европейской культуры, так и в «малом времени» литературного процесса конкретного периода.

Для иллюстрации обозначенных познавательных актов обратимся к изучению Достоевского. Можно выделить как общие «генерализирующие» тенденции в исследовании его наследия (наиболее влиятельной, несмотря на неоднократно проводимые «ревизии», по-видимому, продолжает оставаться бахтинская концепция поэтики Достоевского), так и практически необозримые в количественном отношении интерпретации Достоевского. Для современного состояния исследований в данной области характерно также и то, что, в отличие от продолжения «бахтинского бума» в гуманитарных науках, учёные, занимающиеся преимущественно именно Достоевским, в последние десятилетия с всё большим скептицизмом воспринимают как раз бахтинскую научную систему. Однако разрыв между конкретными эмпирическими исследованиями и общетеоретическими концепциями, где наследие Достоевского — только лишь внешний «материал», — несомненная данность современной русистики (все более и более уступающей свое место тем или иным «культурологическим» штудиям, с их чрезвычайно вольным обращением с собственно литературным материалом).

В конечном итоге, почти необозримые в количественном плане работы о Достоевском тяготеют к двум полюсам, можно определить их как *etic*- и *etic*-подходы. Эти термины, которые выдвинул К. Л. Пайк по аналогии с фонетикой и фонемикой [16], были затем поддержаны и разработаны Г. Триандесом [17]. Формулируя предельно кратко и потому несколько упрощенно, можно разницу между ними передать следующим образом: если фонетика связана с изучением общих аспектов звуков и произнесения звуков, то фонемика — это изучение звуков, используемых в определенном языке.

При *etic*-подходе делается попытка рассмотреть явления и их взаимосвязь (структуру) глазами людей, которые относятся к данной культуре. Эта точка зрения берет начало из культурной антропологии, где с помощью метода включенного наблюдения исследователь пытается рассматривать нормы, ценности, мотивы и обычаи членов определенной общности с их собственной точки зрения.

Исследователи, придерживающиеся *etic*-подхода, справедливо утверждают, что ранее в гуманитарных дисциплинах почти всецело господствовал *etic*-подход, который основывался на некритическом проецировании западных гуманитарных установок на внеположный Западу «мир большинства», как они его называют ([см.: 18]). Таким образом, исследователь той или иной культуры работал на самом деле не с ценностями изучаемой культуры, а с «навязанными этиками» или «псевдоэтиками» [см. подробнее: 11, 26–29].

Творчество Достоевского при *etic*-подходе, будь он марксистский, структуралистский или фрейдистский, является лишь иллюстрацией действия более общих «закономерностей» (излюбленное слово для представителей «объяснительного» *etic*-подхода). Но проблема состоит в том, что при этом наш предмет овнешняется, превращается в бездушную и безгласную «вещь» (М. М. Бахтин [19, 363–373]). Теряется грань между гуманитарной и негуманитарной (естественнонаучной) методологическими установками. Кроме того, собственное, уникальное, эстетическое бытие уникального феномена далеко не сводится к иллюстрации каких бы то ни было «общих закономерностей», хотя и может — внешним образом — «подтверждать» некоторые из них.

По-своему типичным примером для современных западных установок в анализе произведений Достоевского является работа Жоржа Нива, в которой характерным образом соединяются два варианта *etic*-подхода: социологический и фрейдистский. В результате «вина» за преступление «петербургских» героев Достоевского как бы переносится на имперский Петербург, этот «прокаженный город» [20]. Обращаясь к «Преступлению и наказанию», Нива доказывает, что именно имперский Петербург «раздавил Мармеладова, свёл с ума Екатерину Ивановну,

Петербург нащёптывает Раскольникову страшный замысел, именно Петербург (и «неправильная» императорская Россия) приводит Свидригайлова к самоубийству» [20, 63–68]. Наряду с современным социологическим «развитием» пресловутого «среда заела», вполне укладывающиеся в преобладающие ныне отношение к России как таковой, Нива предлагает и иной вариант «овнешняющего» объяснения романа, при котором Пульхерия Александровна Раскольникова — мать пожирающая, мать «кастрирующая». Единственная её — весьма низкая — цель — это привязать навсегда к себе сына [см.: 21, 479–480].

Однако же в некоторых областях филологии без внешних объяснительных процедур понимание творчества Достоевского не представляется возможным. Так, адекватное прочтение его романов невозможно без реально-исторических, а также текстологических комментариев, которые от десятилетия к десятилетию становятся все более и более убедительными и точными. Но полная «бессубъектность» в любом комментарии все-таки невозможна. По этой причине любое внешнее «объяснение» творчества Достоевского (как марксистско-фрейдистское, так и структурно-семиотическое) неизбежно — часто и помимо воли исследователя, как это происходило и с самим Фрейдом [11, 29–35], — выявляет не только «объективную» сторону «вещи», но и ценностные установки самого исследователя [см.: 22].

Доминантный же для современного литературоведения «дрейф» (Р. Барта) по творчеству Достоевского порой приводит к результатам, выводящим исследование за предел спектра адекватных его толкований. При этом безразлично, утверждает ли исследователь свое отталкивание от христианских основ творчества Достоевского или, напротив того, декларирует приверженность им (например, когда стакан пива и кусок сухаря, которые упоминаются в начале романа в эпизоде в распивочной, сопоставляются с причастием [23]).

Методологически личностное понимание (или «диалог согласия» между автором и читателем) было обосновано в нашем литературоведении М. М. Бахтиным не только в его чисто «достоевских штудиях» — «Проблемах поэтики Достоевского», но и в ряде теоретических работ, группирующихся вокруг бахтинской «эстетики словесного творчества». Однако бахтинские эпигоны — как отечественные, так и западные — вульгаризировали и редуцировали его теорию. Да и сам Бахтин в условиях советской несвободы не мог, как он сам признавал в разговорах с С. Г. Бочаровым, «свободно высказываться о главном». Сам Бахтин был глубоко убежден в том, что в книге о Достоевском «оторвал форму от главного... Прямо не мог говорить о главных вопросах... Философских, о том, чем мучился Достоевский всю жизнь — существованием Божиим. Мне ведь приходилось все время влиять — туда и обратно. Прихо-

дилось за руку себя держать. Даже Церковь оговаривал» [24, 71–72].

Сегодня кажется уже очевидным, что, изучая наследие Достоевского, невозможно некритически воспринимать бахтинские идеи. В последние десятилетия в достоеведении ведется продуктивная полемика с М. М. Бахтиным (В. Н. Захаров и другие [25]). Однако при этом далеко не всегда учитывается, что Бахтин хотя сам и особо подчеркнул, что «впервые основную структурную особенность художественного мира Достоевского нащупал Вячеслав Иванов» [26, 14], однако не смог воспользоваться ивановским определением полифонического мышления Достоевского как мышления соборного. В итоге центральная категория эстетических построений Вяч. Иванова — соборность — на долгие десятилетия незаслуженно оставалась вне внимания достоеведов, как и категории «родного» и «вселенского» [см.: 9–11].

Представляется научно корректным и продуктивным восстановить в достоеведении те фигуры умолчания, те положения, которые и хотел бы, но не мог высказать в свое время Бахтин. Подчеркнем, что подобная работа в современной русской филологии уже ведется. Нельзя не заметить, что многие постбахтинские исследователи пытались восполнить те «зияния», о которых горестно говорил Бахтин, притом не только в отечественной науке, но и в зарубежном достоеведении. Нина Перлина доказывала, что, вопреки своей полифоничности, «Братья Карамазовы» содержат строгую иерархию ценностей, где привилегированное место занимает Священное Писание [27]. Малькольм Джоунс в книге «Достоевский после Бахтина» совершенно справедливо, хотя и, на наш взгляд, недостаточно последовательно пытается дифференцировать бахтинское понятие «карнавала», говоря, вслед за Мишелем Турнье (M. Tournier), о «белом карнавале» [28]. Он отмечает, что Христос своей вестью бросает вызов «официальному миру» [там же]. Даяна Томпсон, исследуя «Братьев Карамазовых», убедительно доказывала, что память о Христе является доминантой всего романа [29]. Разумеется, эти примеры «восполнения» бахтинского умолчания в научной литературе можно было бы продолжать, но достаточно и этих примеров. Обратим внимание, однако, на то, что углубление в христианскую проблематику все-таки далеко не всегда приводит к осознанию необходимости корректировки существующей системы литературоведческих категорий. Внести свой вклад в эту корректировку, сделать филологический инструментальный, обращенный к Достоевскому, более созвучным онтологическим и аксиологическим ценностям самого писателя — актуальная проблема современной филологии.

Таким образом, как бы ни отличались между собой по своей сути анализ, интерпретации и понимание русской классики, в каждой из этих методоло-

гических установок в той или иной степени следует учитывать необходимость аксиологического созвучия сознания исследователя доминантным установкам самого писателя. В противном случае — каждый раз по-своему — как художественная система классика, так и в целом его наследие подвергаются опасности искажения — вплоть до подмены предмета тем или иным симулякром.

Дальнейшее изучение существующей многоголосоицы зачастую противоречащих друг другу истолкований русской классики сквозь призму выделенных исследовательских актов представляется особенно актуальным, поскольку позволит преодолеть зияние между концептуальностью генерализирующих подходов и конкретными исследованиями художественного творчества, в которых изучаются частные проблемы, возникающими вокруг наследия русской классики и рецепции этого наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дильтей В. Собр. соч. В 6 т. — Т. IV. — Герменевтика и теория литературы / В. Дильтей. — М., 2001. — 531 с.
2. Есаулов И. А. Контексты понимания художественного мира С. Т. Аксакова: поле возможностей / И. А. Есаулов // XIV Международные Аксаковские чтения: Материалы конференции. — Уфа, 2013. — С. 17–23.
3. Есаулов И. А. «Записки охотника» и многообразие русского мира / И. А. Есаулов // «Его Величество Язык Ее Величества России»: Сб. трудов Международной научной конференции к 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева. — Орел, 2018. — С. 17–22.
4. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт. — М., 1989. — 616 с.
5. Косиков Г. К. От структурализма к постструктурализму / Г. К. Косиков. — М., 1988. — 191 с.
6. Есаулов И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н. В. Гоголя) / И. А. Есаулов. — М., 1995. — 100 с.
7. Аношкина-Касаткина В. Н. Православные основы русской литературы XIX века / В. Н. Аношкина-Касаткина. — М., 2011. — 384 с.
8. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир». Творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции / О. А. Бердникова. — Воронеж, 2009. — 272 с.
9. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе / И. А. Есаулов. — Петрозаводск, 1995. — 288 с.
10. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. — М.: Кругъ, 2004. — 560 с.
11. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание / И. А. Есаулов. 3-е изд., — СПб., 2017. — 550 с.
12. Захаров В. Н. Русская литература и христианство / В. Н. Захаров // Проблемы исторической поэтики, 1994. Вып. 3. — С. 5–11.
13. Захаров В. Н. Умиление как категория поэтики Достоевского / В. Н. Захаров // Celebrating Creativity. Essays in Honour of Jostein Børtnes. — Bergen, 1997. — P. 237–255.
14. Тарасов Б. Н. Куда движется история? (Метамор-

- фозы идей и людей в свете христианской традиции) / Б. Н. Тарасов. — СПб., 2001. — 348 с.
15. Сытина Ю. Н. Сочинения князя В. Ф. Одоевского в периодике 1830-х годов / Ю. Н. Сытина. — М., 2019. — 392 с.
16. Pike K. L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior / K. L. Pike. — Hague, 1967. — 762 p.
17. Triandis H. C. Introduction to Handbook of Cross-Cultural Psychology / H. C. Triandis. — Boston, 1980. — Vol. 1.: Perspectives.
18. Kagitcibasi C. Family, Self, and Human Development Across Cultures Theory and Applications / C. Kagitcibasi. — New York, 2007. — 504 p.
19. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М., 1979. — 424 с.
20. Nivat G. Vers la fin du mythe russe: Essais sur la culture russe de Gogol à nos jours / G. Nivat. — Lausanne, 1982. — 403 p.
21. Ганошенко М. Е. Рецепция русской классической литературы в современных франкоязычных изданиях / М. Е. Ганошенко // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте / коллектив авторов под ред. И. А. Есаулова, Ю. Н. Сытиной, Б. Н. Тарасова. — М., 2017. — С. 459–487.
22. Есаулов И. А. «Преступление и наказание»: объяснение, интерпретации, понимание / И. А. Есаулов // Mundo Eslavo. № 16 (2017). — С. 73–81.
23. Касаткина Т. А. Категория пространства в восприятии личности трагической мироориентации (Раскольников) / Т. А. Касаткина // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 11. — СПб., 1994. — С. 81–88.
24. Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него / С. Г. Бочаров // Новое литературное обозрение, 1993. № 2. — С. 70–89.
25. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский / В. Н. Захаров. — М., 2013. — 456 с.
26. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — М., 1972. — 470 с.
27. Perlina N. Varieties of poetic utterance: Quotation in «The Brothers Karamazov» / N. Perlina. — Lanham, New York, London, 1985. — 228 p.
28. Malcolm V. Jones. Dostoevsky after Bakhtin. Reading in Dostoevsky's Fantastic Realism / V. Malcolm. — Cambridge, 1990. — 221 p.
29. Thompson D. O. The Brothers Karamazov and the Poetics of Memory / D. O. Thompson. — Cambridge, 1991. — 358 p.

Литературный институт им. А. М. Горького

*Есаулов И. А., доктор филологических наук, профессор
кафедры русской классической литературы и славистики
E-mail: jesaulov@yandex.ru*

Московский государственный областной университет

*Сытина Ю. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской классической литературы
E-mail: yulyasytina@yandex.ru*

The Maxim Gorky Literature Institute

*Esaulov I. A., Dr., Prof. Russian Classic Literature and Slavistics
Department.*

Moscow Region State University

*Sytina Yu. N., Candidate of Philology, Associate Professor,
Russian Classic Literature Department
E-mail: yulyasytina@yandex.ru*